

В день похорон жены своей Глафиры Алексей Александрович Вашурин сразу после поминок, назначенных в заводской столовой рядом с кладбищем, не заходя домой, отправился на вокзал, а оттуда — напрямиком в родную деревню: сначала до райцентра Семёново на электричке, потом — на автобусе двадцать километров, и там от трассы пешком ещё пару. Да какая она родная, деревня эта, если за последние двадцать лет и был-то там раз пять, не больше, а в последние годы, как похоронил отца с матерью своих, так и не бывал вовсе? По большому счёту — это и не деревня, а довольно большое село Емелино.

Заявление на административный отпуск он на заводе загодя написал, «до востребования» вроде как, ещё до смерти Глафиры, — никто и не возражал, ожидаемо было. Кому он там шибко нужен, на заводе, — вахтёр в ватнике?

Глафира была ему чудесной, настоящей женой — с любовью, заботой, нежностью, если бы не два больших «но»: были они с ней не расписаны, как бы «гражданский брак» это называется теперь, и не было у них детишек общих. А были бы, так, может, и зарегистрировались ещё.

Барьером для неосуществлённого их загса была причина, о которой знал лишь Вашурин, а Глафира его, может быть, только догадывалась. При расставании в больнице в последний раз после операции лечащий врач, профессор-кардиолог, сморщившись и жалостливо пожимая руку Алексею Александровичу, предупредил его: «А с сосудами у вас всё очень и очень скверно! В любой момент там всё может лопнуть!»

Потому шли они с Глафирой к своему концу на перегонки, но Глафира выиграла: рак скоротечный.

Родня Глафирина, как стая, налетела, даже погрустить не дали как следует. Только и разговоров все три дня: кому, да чего, да сколько. Машин «Лада Ларгус» была на Любавина записана, и относительно неё претензий никаких не было. Квартира, в которой они жили с Глафирой, по документам Ваньке отходила, сыну её старшему от первого брака, а тапочки протёртые и пачку старых газет, что на кухне в углу лежат, пусть делят эти налетевшие, вместе с холодильником и панелью-плазмой, что на стенке на крючке висит.

А у Вашурина своя квартира есть двухкомнатная, которую они с Глафирой сдавали паре молодых женатиков с ребёнком для собственной финансовой поддержки.

Так, рядом с Ивановом, сыном её, и просидел Алексей Александрович на стуле около гроба два дня последних. Молча просидели — они и в светлые-то дни не больно разговаривали друг с другом. Если что и было дорого в этом доме Алексею Александровичу, так то уже в гробу лежало, а хвататься за барахло нажитое — только душу травить. Паспорт с правами в кармане, деньги на карточке и счёт в банке, телефон есть; договорились, что на девятый день он придет и у Ивана что-то своё, что-то такое, что, может, ещё и понадобится, заберёт.

На поминках ему не пилося, не померлось, а в Семёнове на станции засвербело — зашёл в буфет вокзальный да махнул сто пятьдесят и кружку пива какого-то немецкого.

Водитель автобуса высадил его на трассе. Хотя раньше, когда и асфальта-то ещё не было, а было всё щебенено и забутовано, заходил автобус в село. А теперь — нет. Зато асфальт теперь — от трассы до села. Успел к себе ещё засветло. Шёл меж полей: жаворонков уже не слышно, поздно, не утро раннее, отрезвонились, но ласточек в небе чистом прорва, и высоко все — завтра снова ведро будет. Воздух встал в ожидании лета — не шелохнётся. А зелень листвы — свежая-свежая: не запылилась, не задумалась ещё.

Дом его, точнее, родительский, самый видный когда-то в селе был; стоял дом на пригорке, над прудом сельским, прямо напротив храма. Да и сейчас он видный — место такое. Только качнулся ли он или задохнулся, а может, и оглох, и ослеп сразу: и окна все целы, только крест-накрест досками заколочены, и как будто паутиной покрылся весь он.

От дома дорога спускалась к дамбе, а за ней уже шёл главный порядок, улица Центральная. Пруд этот обустроивал отец когда-то, когда сам Вашурин ещё пацаном был. Строился он как пожарный водоём, но сразу и мальков карпа запустили, и мостки для купания наладили. Пруд красивый когда-то был, да и сейчас ничего; правда, наповину камышом берега уже заросли, и от мостков

остались только сходни гнилые без перил, на которые ступить страшно. Кувшины жёлтые мячики радостно светятся, а вот лилии белые болотные уже уснули, наверное, уползли под воду, на ночь спрятались.

Решил Алексей Александрович заглянуть сначала к соседу Николаю, чтобы прояснить обстановку на месте, а для того надо было в магазин зайти за бутылкой. Но Николай уже на завалинке сидит и подманивает Вашурина к себе пальцем. Алексей Александрович и подошёл, уселся. Николая в деревне «комсомольцем» звали: и голос начальный, а толку — нет, и знает всё, а рассказывать начнёт — всё переверёт.

— За бутылкой не ходи, я сегодня норму выполнил, — начал он, солидно поставленным голосом и строго посматривая, — завтра сходишь.

— Хорошо, завтра схожу, — поддержал солидный разговор Алексей, усаживаясь рядом.

— Ну и что?

— Что — что?

— Чего приехал, спрашиваю? Мне же знать надо, с меня спросят.

— Кто?

— Ты, Алексей Александрович, дурачком не прикидывайся. Знаешь ты всё. Надолго, спрашиваю, приехал?

— Сам не знаю: может, на день, а может, навсегда. Закопал я сегодня Глафиру свою.

— Это жену, что ли?

— Жену, жену.

— А как же ты теперь жить-то будешь? Пенсия-то у тебя большая ли?

— Большая, большая, подполковничья.

— А-а, ну это другое дело. Так тебе теперь просто жить негде, что ли? Мне говорили, что ты там, в городе, на птичьих правах жил. Так, смотришь, и пригодится теперь батькин куток, — Николай подёрнул головой в сторону заколоченной вашуриной избы.

— Может, и пригодится, — поддакнул Алексей Александрович. — А скажи лучше, Коля, топор у тебя есть? И вообще, помоги мне: надо запоны с окон и дверей снять. Ну, доски отодрать нужно.

— Топор, говоришь? Не знаю — есть ли. Пойду у Архиповны попрошу — не знаю, даст ли. Я у неё ведро на прошлой неделе эмалированное украд и пропил. В смысле, продал, а потом деньги уже пропил. Я ж не знал, что её ведро. Смотрю — стоит, я и взял. Так что, может, и не даст. Сходи сам к ней — она ведь сродница тебе. Ты, может, забыл, что у тебя здесь половина деревни родня? По крайней мере, в старые-то времена Вашуриных тут у нас — через дом жили. А уж помочь доски-то отодрать — я тебе помогу.

Николай встал, и его крепко качнуло — стало заметно, что он не просто пьян, а совершенно никакой.

Архиповна, а точнее, тётка Наталья, или просто Наталья, топор не дала, а усадила Александра Алексеевича за стол и велела ждать сына Сашку, который вот-вот явится. А как только шлёпнул выключатель вскипевшего электрического чайника, в дверях появился и Сашка. На тракторе припылил, трактор под окошком бросил, в избу шумно зашёл.

— Са-ашк, знакомься, — протянула голосом тётка Наталья, — это дядька твой, Алексей Александрович, троюродный или пятьюродный — и не сосчитаю уже сейчас. Так ты, чай, знаешь его! Когда он в армию уходил, мне, наверное, семь лет было, а сейчас он уже полковник, поди.

— Да нет, Наташ, — подполковник.

— Как же так? И в прошлый раз, пять лет назад, подполковником был.

— Так я же на пенсии уже десять лет. Мы, лётчики, рано на пенсию уходим.

— Про твою Глафиру я всё знаю и про рак её. Звонила подруга мне. Я от неё про вас с Глафирой всё знаю. А сейчас скидывай своё шобоньё. Сашка сейчас там баню ладит — банный день у нас сегодня, попаришься, городской мусор смоешь, повечеряем, спать мы тебя у себя уложим, а с утра Сашка тебе поможет с домом разобраться. Как раз завтра-послезавтра выходные. Делов там немало, наверное.

Сидели вечером допоздна: всё про жизнь говорили, и самовар чая выпили (самовар, правда, электрический), и самогонки попробовали, и наливки на каких-то лесных ягодах. У Натальи беда схожая была: похоронила она мужа — и года не прошло.

— А тебя, Алексей, я тут в деревне быстро к кому ни на то пристрою — баб молодых да хороших у нас много. Это мне уже ничего не надо, а вам, мужикам, если со здоровьем всё в порядке, то и до восьмидесяти лет только подавай. Вот я на десять лет тебя младше, а рядом нас поставь, так тебе на десять лет меньше дадут.

— Дадут, дадут — а чего подавай-то? — не понял, но почему-то встрепенулся Алексей Александрович.

— Чего, чего — наше, бабье! А со здоровьем у тебя как?

— Как, как — хорошо. Три стента, это железяки такие, в сердце торчат, два инфаркта было, три таблетки каждый день пью — одну утром, две вечером. И так всю жизнь пить буду.

— В смысле — до самой смерти?

— Нет, не до самой смерти, а доктор сказал, что всю жизнь.

— А у тебя ведь где-то и сын есть?

— Да должен быть, а вот где — и сам не знаю. Когда благоверная моя двадцать лет назад от меня сбегала, испугалась гарнизонной жизни, то я долго не знал — куда. А потом, лет через пять уже, мне сказали, что она в Калининграде. Поехал я туда на

сына посмотреть, неделю там прожил, всё искал их, да так и не нашёл.

Так за житейскими разговорами полночи и просидели.

2.

За то время, что дом приводил в порядок, и топор, и калёвка, и стамеска как приросли к рукам-то, родными стали. Алексей Александрович и не представлял, сколько инструмента отличного, красивого да сручного в запасах у батьки его родного лежало. Сердце, а может, и не сердце, а что-то другое там, внутри, задрожало прямо, затрепетало при виде всех этих богатств. Хороший инструмент, и столярный, и слесарный,—это радость для мужика нормального. Нормальный мужик гаечный ключ на дороге увидит—машину остановит, выйдет, подберёт, а потом уж дальше поедет.

А тут—наверное, он родился столяром, да не знал! А вот теперь разглядел или разузнал.

В батьку, значит, пошёл—батька столяром был. И понял Вашурин вдруг, и сам расшифровал для себя даже—чем столяр от плотника отличается: столяр столы, то есть мебель красивую, делает, а плотник топором плоты из брёвен работает.

С домом действительно всё в порядке было, ревизию с Сашкой сделали капитальную: столбы—и фундаментные, что под срубом, и под печкой русской которые,—сохранились прекрасно. Печка нигде не потрескалась и не дымит. Дров в дровянике на две зимы хватит. А вот баня того, подвела: щели между венцами такие, что ладошь пролезает,—но соседский Сашка посмотрел, в заливке почесал и сказал, что всё это чепуха: пробьём!

Трава первая, майская, ещё не озаботила пока—позже выкосит; забор качнувшийся выправил, крышу шиферную менять надо, но потерпит ещё. А вот наличники, когда-то голубенькие, выцвели до серого и крошиться гнилою трухой начали. Архиповна, то есть тётка Наталья, велела наличники менять, сказала, что наличники—вход в душу хозяйскую: хозяин поменялся, и наличники менять надо.

Пошёл пешком Алексей Вашурин в соседнюю деревню Губино за пять километров к какому-то своему очередному родному племяннику Стасу—даже представить себе он не мог, сколько у него тут в округе родни всякой дальней, а все его помнят. Стас был мастер на все руки, но Вашурину нужны были новые наличники на окна, восемь штук, и размеры он снял и на бумажке записал.

Стас был мужиком мелким, молчаливым и, чувствуется, с хитринкой деревенской; молча и прищурившись разглядывал он Вашурину, пока тот ему выкладывал свою просьбу.

—А ты Вашурин ли?—спросил вдруг Стас.

—Вашурин, Вашурин,—ответил Алексей Александрович.

—Дяди Сашин сын?

—Точно.

—Так пойдём в сарай. И как же это дяди Шаши Вашурина сын наличники на окна на стороне заказывает и деньги ещё платить собирается?

Сарай у Стаса был шесть на восемь, и убиралась в сарае не только машина, но и большая мастерская.

—Вот смотри, тут одному дачнику ту же работу работаю—тоже ему надо восемь наличников. Орнаменты, рисунки под прорези—я тебе сколько хочешь дам, да сам ты нарисуешь лучше, каких душе захочется, хоть с ромашками, хоть с фаронками. Доски, хоть липовой, хоть сосновой, хоть берёзовой, хоть любой толщины, на лесопилке за бутылку тебе мужики сколько хочешь настрогают и нарежут. Лесопилка сейчас у кооператоров городских на бывшей ферме колхозной, в аренде, что ли. Помнишь где? На полпути от нас к вам.

—Это где голые деревья сухие стоят, что ли?

—Да, да, да, голые берёзы высохшие, правильно сказал ты—голые. Сам ты, Вашурин, наличники себе делаешь: не могу поверить, чтобы дяди-Сашин сын столярку кому-нибудь заказывал. Так что—смотри здесь всё, спрашивай: тут вот наличники от доски до готовых, вон уже покрашенные в голубенькую стоят. Краску там у вас, на селе, не бери, неправильная она у вас, не масляная, бодяжная, дождём смоемся. За краской в район езжай, в Семёнов.

Так без заказа и ушёл от Стаса Вашурин к себе домой.

А в город он съездил на девятый день: на могилку к Глафире ходил, с завода уволился, у Ивана какую-то мелочёвку забрал, по ярмуке с ним выпили, помянули. На квартиру свою, которую сдавал, заглянул, поговорил с квартирантами, объяснил, что едет жить в деревню, а надолго ли—не знает. А на другой день уже на машине своей, не новенькой, но и не убитой «Ладе Ларгус», в деревню покатил—решился, значит.

Скоро наличники на окнах избы его засияли новые, яркие, жёлтые. Сам сработал, и не трудно вовсе. Пока пилил, резал, красил, устанавливал, думалось всё время: подполковник, лётчик-испытатель, неужели я не могу делать обычную мужскую работу, которую выполняют все мужики на всём земном шаре? Да любую мужскую работу подполковник, лётчик-испытатель сможет сработать.

Самое любопытное во всей этой истории с наличниками случилось на другой день после того, как засветились они, жёлтенькие, на всю деревню своим жёлтыми глазами. Пришёл к Вашурину дачник-москвич, который купил тут же, в деревне, дом, уже несколько лет как, и приезжает

он жить сюда только летом с семьёй да с детьми, чтобы порыбачить, да поохотиться, да позагорать и покупаться, да сходить в лес за грибами, за ягодами. А точнее, не пришёл он, а приехал на «гелендвагене» своём, и сам пузатый такой, того и гляди треснет.

— Хозяин, — говорит он, обращаясь к Вашурину, — мне такие же наличники нужны. Сделай, прошу тебя. Бабки плачу сразу, прямо сейчас.

Хотел было Вашурин поначалу отказать от предложения толстяка: показалось ему, что вот это барское отношение нового русского богатея к его, вашуринскому, мастеровому умению унижать его же офицерский статус. Но как-то быстро сообразилось у него в голове, что, только зарекомендовав себя сельским, деревенским мастером, он сможет завоевать и положение, и уважение своих односельчан, с одной стороны — новых, а с другой — очень даже родных. Да и москвича этого, который к нему пришёл с просьбой. А ведь так и бывало в жизни Вашурина, и не раз, что приходили к нему, правда, при других обстоятельствах. И поехал он к заказчику первому своему окошки замерять.

А через короткий срок к нему с заявками уже чуть не со всего района приезжать стали. Оно и понятно: Вашурин намастырился не просто треугольнички да кружочки в дощечках своих наличников прорезывать, а мог увековечить он и год установки дома, или инициалы хозяина, или кота злого и шипящего, или мышку-норушку. В общем — с фантазией мог работать Вашурин по дереву.

И оттого, что столько людей его знают и его работу знают, и оттого, что нужен он им, теплее как-то становилось.

3.

Мальчик незнакомый, лет шести-семи, сидел на крыльце вашуринской избы. Он шмыгал сопливым своим носом, выдувая из него пузырь, и водил пальцем по доскам половиц, как бы что-то рисуя по памяти. Он не плакал, но вздрагивал остатками рыданий, и на грязных щеках его были видны полоски — следы высохших слёз.

Вашурин был не готов к такой встрече, тем не менее он тоже уселся на своё крыльцо с мальчиком рядом и спросил:

— Тебя как зовут, пацан?

— Иван. Ваня меня зовут.

— А ты где живёшь?

— На том конце, — мальчик махнул рукой куда-то в сторону леса.

— А ты что — плакал, что ли? Тебя обидел кто?

— Обидела мамка. Она набила меня.

— За что?

— Ни за что — она пьяная.

— Понятно. А ты ел чего-нибудь сегодня?

— Нет.

— А вчера?

— Хлеб.

— Понятно. Сейчас я тебе дам мыло, полотенце — умоешься, а потом мы с тобой будем есть макароны с тушёной. Будешь?

Мальчик кивнул головой.

Ваня хотя и умылся, но грязь с него по-прежнему готова была кусками отваливаться. И Вашурин, по натуре абсолютный аккуратист, испугался, что с ним тихая истерика случится от внешнего вида мальчика. У Вани кроссовки были без шнурков, а если внимательно приглядеться, то можно было заметить, что и из разных пар они, хотя это и не очень бросалось в глаза из-за пыли, футболка была надета наизнанку, а штаны порваны на обеих коленках. У Вашурина засвербело всё внутри — поправить бы как-то Ванин внешний вид, но он понимал, что такие вещи так просто не делаются. Хотя что-то перещёлкнуло у Вашурина в голове, и затеплилось что-то, и чувство это было ему незнакомо.

После макарон Алексей Александрович похлопал Ваню по плечу, пригласил приходить завтра, а сам уселся разбираться с бумагами: надо было платить налоги за дом, да переводить землю на себя, да прописываться в деревне, чтобы пенсию здесь получать. Дел — делать не переделывать. Ваня тем временем, взяв маленькое ведёрко в сарае и подобрав нужную тряпку, занялся мытьём колёс вашуринской машины. Да так старательно, да так въедливо он отмывал диски колёс, что подивился Вашурин, заметив это, когда вышел через час во двор покурить, и подумал, что напрасно он заподозрил мальчика в неряшливости: «Нет — аккуратный он. Тут другое что-то».

Вечером, правда, ещё засветло, июньские вечера длинные да тёплые, сидели вдвоём за столом, пили молоко с хлебом. Через день Вашурин брал у тётки Натальи кринку молока и десяток яиц. И вообще, надо сказать, деревня богатая была: стадо деревенское — тридцать коров, не считая коз и овец. После молока вышли на крыльцо, и Вашурин спросил у мальчика:

— Ну что, Ваня, до дому добежишь?

— Добегу, — с глубоким тяжёлым вздохом ответил Ваня и пошёл по дамбе на ту сторону.

Вашурин вроде как даже и не удивился, увидев рано утром на крыльце свернувшегося калачиком и завернувшегося в старый рваный половик спящего Ваню. Ну, прямо как собачка какая. Вашурин взял мальчика на руки и отнес его в дом, и положил его на кушетку — мальчик не проснулся.

Вашурин обычно не завтракал с утра, только кружку кофе сладкого растворимого выпивал. Так и в этот день. Он уже работал в крытом дворе, который когда-то у родителей скотным был — и для коровы, и для поросёнка, и под курей, а вот теперь, выщипанный, да облагороженный, да освещённый,

в мастерскую превратился, когда к нему вышел заспанный Ваня.

— Ты чего не дома ночевал?—без обиняков и даже сердито спросил Вашурин.

— А там, дома, мамки не было, а какие-то двое мужиков пьяные ругались—я и вернулся сюда.

— Что за мужики? Незнакомые, что ли?

— Незнакомые. То есть—не наши, они из Горюнова, из деревни соседней. Я их там видел.

— Так, давай я тебе молока налью и яичницу сделаю. Ты ешь, а я пока к тётке Наталье схожу. Посоветоваться мне надо.

Тётка Наталья в огороде возилась.

— Присядь,—махнула она на завалинку, поняв, зачем пришёл Вашурин.

Тётка Наталья популярно и на пальцах объяснила ему, что в районе у них ни материнских прав, ни прав человека, никакой социальной защиты нет; ни матери-одиночки, ни матери-алкоголички никого тут не интересуют, море их.

— Школа у нас в селе одна на всю округу. Мальчику Ване в школу идти в этом году—как и куда он пойдёт, непонятно. Мы, бабы, думаем—ничего придумать не можем. Мать его, Ирка, спилась за год—в прошлом году мужа её Серёгу, мужика работающего, трактором задавило. Так вот: год—и от бабы ничего не осталось. Она не наша, не местная, Серёга её из Прибалтики привёз, из Латвии, что ли. Рига—это Латвия? Ездил он туда к друзьям отдыхать да и познакомился. Она и говорит-то так, что половины слов не поймёшь. Ильзой её по-ихнему звать. Это наши уже стали её Ирккой звать, а сейчас уж и вообще: Ирка-Криводырка. Поначалу приехала—по деревне в шортах, коротеньких штанишках таких, ходила, девок наших курить да пиво пить учила. Дома у неё всегда всё было чистенько да аккуратно, а вот огородом заниматься она—ни-ни! Хотя мне говорили, что там, в Латвии, народ хозяйственный в смысле огородов. Да, видать, с гнильцой в любом народе экземпляры попадаются. Родительских прав её не лишишь, мы уже думали,—там у неё свои варианты и прихваты есть. Не такая она дура, или—не так уж она пока ещё и спилась. Но очень быстро она катится. Скорее всего—замёрзнет Ванька Иркин этой зимой, как прошлой зимой в Горюнове уже было: двоих ребятишек малолетних заперли в феврале в чулане холодном (это при минус-то тридцати), чтобы не орали и не мешали вино пить. Потом заснули родители счастливые и забыли их там; проснулись, а в чулане ледышки замороженные—аж звенят! В общем, беда, и не знаю, что тебе посоветовать. А ты сходи да познакомься с ней. Только предупреждаю: хамоватая да наглая она, да беспардонная.

4.

Ирка сидела на завалинке своей избёнки в таком непотребном виде, что Ирккой её, и Ильзой тоже,

назвать было сложно: что-то истерзанное, оборванное, мычащее и ни на что не похожее, но живое. Алексей Александрович даже засомневался: а не подойти ли сюда в другой раз или попозднее? Хотя ничего не изменится—это было очевидно.

— Любезнейшая,—обратился Вашурин к этому существу, которое пыталось, опираясь на руку, удержаться на завалинке и не свалиться.

Как ни странно, существо отреагировало и, востепенувшись, превратилось в женщину. В грязную, непричёсанную, растрёпанную, с мутными глазами и даже с синяком, но женщину—это было очевидно.

— Мужчина, присядьте на минуточку—я сейчас приду к себе,—Ирка пыталась усидеть на завалинке и не упасть на землю.—Мужчина, опохмели меня, а то я сейчас умру.

— Любезнейшая,—попытался Вашурин ещё раз пробиться к сознанию пьяной женщины,—это вас зовут Ильзой? И не вы ли мать мальчика Вани?

Кажется, вроде пробился!

— Да, я—Ильзе. Ваня—мой сын. А что с ним?

— Да ничего. Просто он ночевал сегодня на крыльце моего дома, и я заволновался—не бросились ли вы искать его.

— Нет, не бросилась. И это... он предупредил меня, что будет ночевать у товарища. А ты кто? И зачем тебе мой Ваня?

— Мне ваш Ваня не нужен. Но, видимо, он и вам не нужен. А фамилия моя Вашурин. И потому—если будете искать Ваню, то он у меня переночует, и вам волноваться не следует.

— Как это? И почему у тебя? А ты не этого, в смысле того?

— Что того?

— Ну, не с мальчиками любишь того?

— Нет, я не с мальчиками. А про меня можешь расспросить у тётки Натальи.

— Тогда я скажу тебе так,—в голосе у пьяной женщины прорезались театральные нотки.—Сейчас ты мне приведёшь ко мне моего Ваню, и я займусь его воспитанием. Или, вообще-то, есть вариант замены. Ты слушаешь меня?

— Слушаю, слушаю...

— Ты идёшь сейчас в магазин, покупаешь мне мой продукт, приносишь бутылку сюда и можешь идти воспитывать моего Ваньку.

После этих слов пьяная женщина всё же не удержалась на завалинке и, взмахнув рукой, свалилась на землю. Какое-то время она, стоя на карачках, пыталась подняться, но силы всё же оставили её, и она, свалившись, уснула под окнами своей избы.

Ни за какой бутылкой Вашурин, конечно, не пошёл, а пошёл он через всё село к себе домой, наполненный омерзением. Много он видел грязи на своём веку: и в деревне у себя, пока пацаном был, и в солдатском быту, и в офицерском, и на войне... Но женщина, жена, мать были всегда

понятиями святыми при любых обстоятельствах, в любых склоках, в любых конфликтах, самых безобразных и самых кровавых, а тут...

Ваня перемыл все тарелки, стаканы, кружки и кастрюли в доме и теперь из маленького полиэтиленового ведра мыл полы в большой комнате: видимо, помнил ещё, как это делала когда-то его мать.

— Ты к мамке ходил? — спросил он, стоя с тряпкой в руке и глядя на Вашурина взрослыми и умными глазами.

— Ходил, — ответил Вашурин.

— И что?

— Да ничего. Ты сейчас полы домоешь, и мы с тобой поедem в район, купим кое-что тебе из одёжи — вечером баню топить будем. Ты баню топить умеешь?

— Умею. Меня папка учил, пока он жив был.

В райцентре, в Семёнове в смысле, в магазине купили Ване и штаны, и маек три штуки, и носки, и трусы, и кроссовки, и ещё всякого барахла не перечесать, и в «Продукты» зашли.

Вечером после бани чай пили с пряниками.

Потом Ваня лёг спать в чистую постель, на свежую простыню. Вашурин обустроил ему лежанку на надувном матрасе на полу около печки.

— Вашурин, а как мне теперь тебя звать? — спросил, уже лёжа, из-под одеяла мальчик.

— Как, как — так и зови Алексей Александрович.

— Нет, так не пойдёт!

— Почему же?

— А потому, что у нас с тобой теперь семья. Давай я тебя буду звать папа Алёша?

— Ну, давай — я не против.

— И знаешь что ещё, Вашурин? В смысле — знаешь что, папа Лёша?

— Что?

— Женщина нам с тобой нужна.

— В смысле? Зачем нам женщина?

— Ну как же? У нас получается неполная семья. А если будет женщина, то будет настоящая семья. Ты не волнуйся — я не бабу тебе предлагаю. Не то что бы там — жениться тебе надо. Нет — просто в доме нужна женская рука. Я это точно знаю. Ну, про это мы завтра с тобой поговорим.

На том Ваня и заснул.

5.

Если назавтра разговора про женскую руку в доме и не произошло, то это совсем не значит, что про неё кто-то забыл. Женская рука в доме появилась через два дня. И проявилась она в самом неожиданном качестве.

Уже второй месяц Вашурин думал, как ему обустроить огород и усад, который тянулся от дома прямо к оврагу, а дальше спускался к пруду. Когда-то в детстве там на грядках и репа, и морковь, и редиска, и лук, и чеснок, и огурцы росли

и прожигали — да всё, чем жив русский деревенский человек. Да и под картошку — пятнадцать соток, которые полынью сейчас заросли, стоят неприкайные. Земля там как пух должна быть: десятки лет весь навоз из коровника, перепрев, прямиком в эту землю шёл.

Вашурин вернулся домой далеко после обеда: в район заказ отвозил. Зайдя в избу, он окликнул своего Ваню — ответ послышался с участка. Прямо под окном, выходящим в огород, он увидел своего мальчика; Ваня был не один: с ним копалась в земле ещё какая-то девочка. Девочка была постарше Вани, но уж больно худа: ножки и ручки будто спичечки, шейка — хворостиночка, косички — хвостики мышинные. Штаны мальчишечьи на девочке переко Sobочены и почти сваливаются, а торчат их них острые косточки, пергаментной кожей прикрытые. Майка на ней тоже была не поймёшь с чьего плеча, а обута она в сапоги резиновые.

Вашурин вышел через двор на свой заросший и неухоженный пока что огород. Небольшой клочок земли, буквально два квадратных метра, прямо рядом с завалинкой, был старательно вскопан и обихожено граблями, и лопата ржавая и грабли из сарая валялись рядом. Девочка оторвалась от грядки своей и усталилась на Вашурина с застывшим лицом, выразившим неопределённое состояние: то ли радость от встречи, то ли вынужденное признание какой-то своей вины за неизвестное пока что ей самой неправомерное действие.

— Давай знакомиться, — сказал Вашурин, обращаясь к девочке, но ответил за неё Ваня:

— Знакомься, папа Лёша. Это — Танька, подружка моя. Это я так придумал её называть — подружка. Помнишь, я тебе говорил, что нам в доме женщина нужна? Так вот Танька у нас с тобой хозяйкой в доме будет. И будет тогда у нас с тобой настоящая семья!

— Это я уже понял. А что вы тут делаете?

— Лук сажаем.

— А зачем вы лук сажаете?

— Как же? Он же расти будет. Лук должен расти. — Так, — ответил Вашурин, — я что-то приустал, видимо, с дороги и не очень хорошо понимаю вас. Давай пройдем в дом, сядем и поговорим на эту тему серьёзно.

— Поидем поговорим, — откликнулся Ваня, — а ты, Танька, сажай пока свой лук.

— Не-ет, Ваня. Пусть твоя Танечка идёт в избу с нами. Раз мы с тобой семья, то я хочу познакомиться со всеми твоими друзьями, чтобы знать про тебя всё-всё-всё.

В избу, точнее, в горницу, прошли все трое уже босиком, так часто летом в деревнях наших поступают. Ребята уселись на стулья, а Вашурин, включив электрический чайник, прошёл к кухонной раковине помыть руки. Только после этого уселся он рядом с ребятами.

— Вот теперь, Таня, расскажи мне: кто ты и откуда и как здесь появилась и зачем?

— Давай я расскажу, папа Лёша? Так...

— Нет, ты, Ваня, помолчи. Я хочу Таню послушать. Ну-у?

— Я из Семёнова к бабушке приехала. Меня мамка выгнала,— просто и без запинки ответила девочка.

— И где же живёт твоя бабушка?

— Нигде она не живёт—она умерла уже. Она почти год назад умерла.

— Так. А как же мама-то тебя к ней отправила?

— Так мамка пьяная, она и не помнит уже, что бабушка, то есть её мамка, уже умерла. Она, мамка моя, и осенью, когда бабушка умерла, к ней на похороны пьяная поехала, а назад привезли её на чужой машине какой-то и просто свалили около дома. А жила бабушка у Ваньки в соседнем доме, он сейчас заколоченный стоит.

— Так. И куда же ты поехала?

— А не знаю я. Сейчас каникулы, я второй класс закончила, хватит. А раз мамка выгнала, значит—взрослая жизнь началась. Будем думать, как жить.

— Ну, думать, наверное, всё же мы будем, взрослые, а вы всё равно ещё дети, у вас всё равно ещё детство.

— Нет, Вашурин, вы даже не понимаете, когда у нас взрослая жизнь начинается. И за дураков или за детей, Вашурин, ты нас не считай: таких, как мы с Ваней, ой как много. И в семье каждому жить хочется, и даже не для того, чтобы детство было, а просто так. А—не получается! Вот я завтра буду стирать ваши с Ванькой майки с сорочками, я уже и корыто, и мыло, и порошок нашла. И стирать буду не по-детски, а по-взрослому. Мне ведь тоже в нормальную вашу семью хочется,—последние слова девочка произнесла совсем уже тихо, и Вашурин чуть расслышал их.

— Ты, папа Лёша, Таньку сразу не прогоняй, она нам пригодится, и вообще—я её хорошо знаю и поручиться за неё могу. Знаешь, она у своих никогда ничего не ворует. И главное: ты знаешь, она тоже хочет, чтобы у нас была семья. Как и мы с тобой. Давай её возьмём в нашу семью.

— Ладно, вы пока тут чай пейте, а я к тётке Наталье схожу. А потом надо и дом Танин посмотреть, проверить, что там осталось.

— Папа Лёша, ничего там не осталось, уж я-то знаю. Пионеры и комсомольцы уже всё, что можно было, спёрли.

— А ты откуда знаешь? И кто такие пионеры и комсомольцы ваши?

— Дом этот с нами соседний, и я там всё вижу и всё знаю. Пионеры—это пацаны, которым надо украсть и продать, а комсомольцы—это мужики-пьяницы, которым бы только бы выпить, и всё. Ну а для этого тоже—сначала украсть надо. Так что и не ходи туда.

— Ну, я всё же к тётке Наталье схожу, посоветуюсь. А вы что там, в огороде, делали?

— Папа Лёша, Танька моя, ну, наверное, теперь уже наша, любит, когда всё вокруг цветёт, и тает, и плодоносит. Ну, она так говорит и так считает. И правильно это: все женщины должны в жизни рожать и растить, а если женщина не растит, и не следит, чтобы правильно росло, и не воспитывает, и не ухаживает, то это и не женщина, а не поймёшь что. Недоразумение! Или детей они должны родить и растить, или коров, или курей, или картошку, в конце концов. Вот Танька сегодня украла варёжку, точнее, голичку с луком-севком и сразу пришла ко мне, чтобы посадить. Мы уже грядку сделали—сейчас Танька сажать будет, а я буду следить.

6.

Тётка Наталья только руками взмахнула, услышав от Вашурина про новую его девочку Таню.

— Ты, Алексей Александрович, совсем с ума рехнулся. Я понимаю, что ты человек богатый и можешь себе позволить два рта детских прокормить, обуть их и одеть, но ведь учи: а все ли законы ты соблюдаешь? И на каждый роток не накинешь платок. А может, уже и разыскивают твою девочку, а ты её прячешь. А в милиции знают, где она?

— Знаешь что, Наташа, я ведь не для того к тебе пришёл, чтобы эту девочку в детский приют отправить, а мать её родительских прав лишить. Это дело нехитрое, и нашего с тобой ума для этого не требуется. Только через пять или семь лет из этой девочки воровка или проститутка вырастет, через пятнадцать её уже кладбище ждёт. Редко кто из приютов этих детских современных в люди выбивается. Семья ей нужна.

— Знаю я это. Была я в таком приюте как-то раз. Это ведь у вас в городе ребятишки на улице рвутся из-под родительской опеки, стоят в подъездах, курят, дворовой романтикой наслаждаются. А у этих всё наоборот: улицы им—во, по самую маковку хватило, им в семью хочется. Вот ты возьми да усынови или удочери их обоих—вот и выход из положения. Сначала женись на Ванькиной Ирке-Криводырке, Ильзе в смысле, потом Ваньку усыновишь, а дальше—разводишься и Ваньку с собой оставляешь. Зная, что Ирка—алкашка, суд Ваньку с тобой оставит. А потом и с Таней, девочкой этой. Вот и вся проблема твоя решена. Зато будет у вас очень необычная семья.

— Это всё, Наташа, я бы, может, и проще сумел бы решить, да вот забываешь ты, что недолго мне тут куковать осталось. Я же тебе говорил, что мы с Глафирой наперегонки шли, только она опередила меня. И рисковать ребятишками я не могу. Они этого удара могут не выдержать. Вот сегодня очень горячо в груди было, так у меня перед инфарктом последним тоже было—очень горячо.

— Они, эти твои ребятишки, такие удары уже по жизни выдержали, что, по-моему, выдержат всё,

что угодно. У нас на Руси такие кошмары семейные вечно творятся, что люди, то есть дети, железными вырастают. И все войнушки взрослые им потому забавами детскими и кажутся.

— Наташа, Наташа! А могу я ещё к тебе с одной просьбой?

— Да конечно, Лёша.

— Вот есть у меня заначка небольшая денежная, двадцать тысяч долларов, спрячь их у себя. Если мне понадобятся когда-то деньги такие, я у тебя их спрошу, а если что-то плохое случится со мной, то прошу — потрать их так, чтобы ребятишкам этим помочь. Или опекунами оформи, или в хороший детский дом определи их, есть сейчас частные, хорошие, — Вашурин передал тётке Наталье свёрток, упакованный в полиэтиленовый пакет.

— Лёша, я ничего в этих долларах не понимаю и понимать не хочу. Вот как дал ты мне этот свёрток, так я его и сохраню. Не волнуйся!

Дети сидели за столом, когда Вашурин вернулся. — А вы чего сидите? Я думал, что вы уже поели.

— Нет, папа Лёша, если уж мы теперь семья, то должны, как и положено в семье, завтракать и ужинать вместе.

— Ну хорошо, я не против. А что у нас на ужин сегодня?

— А Танька наша сварила кашу гречневую, а я за молоком сбежал.

— Тогда я руки сейчас мигом помою — и уже готов.

— Так, — уже садясь за стол, объявил Вашурин, — завтра мы втроем с Таней и с тёткой Натальей едем в район, в Семёнов, — надо кое-что прикупить. Ты, Ваня, остаёшься завтра за старшего в доме. Ясно? — Ясно, — ответили хором.

— Таня, ты сейчас идёшь ночевать к тётке Наталье, а завтра уже мы определим тебе место здесь, в нашей избе. Ясно?

— Ясно.

— Если ясно, то ещё: сначала постриги ногти, прежде чем пойдёшь к тётке Наталье. А то у тебя под ногтями траурные ленточки видны.

— Хорошо. Папа Лёша, а мне завтра с утра сюда приходите, или вы сами зайдёте за нами к тётке Наталье, и мы оттуда уже поедем?

Наутро к тётке Наталье прибежал с выпученными глазами Ваня.

— Тётка Наталья, а папа Алёша умер. Я его толкал-толкал, а он ничего. А за ногу потрогал я его, а он ещё вовсе не холодный. Его хоронить надо.

— Ох вы, горе вы моё луковое! — запричитала тётка Наталья, и сразу видно стало, что она тоже уже годах. — Тащи, Ваня, свою Таньку сюда. В сенях она. Сидите здесь на диване и ждите меня.

Тётка Наталья накинула на голову тёмный плащ огромный какой-то, махнула им, как крылом, и, что-то про себя шепча вполголоса, вышла на улицу. — Танька, — шёпотом вдруг спросил Ваня у своей подружки, когда они уже сидели рядом на диване, — а давай папу Алёшу похороним в огороде у нас. Я по радио слышал, что в Америке сейчас делают семейные кладбища. Вот и у нас будет своё кладбище, прямо под окнами.

— Нет, Вань, наверное, это не разрешат. Это что же — кто где захочет, то там кого угодно и хоронить будет? Нет.

— Ну, кого хочешь, где хочешь — нельзя! А вот заслуженных, необычных людей можно. Вон я по телевизору видел, что для фараонов пирамиды в Египте прямо посреди пустыни ставят. А мавзолеев Ленину, что на Красной площади? Я считаю, что Вашурин можно в огороде у нас похоронить. Земля-то в том огороде его, Вашурин. И будет у нас своё семейное кладбище.

— А жалко, что Вашурин умер, — не успела я в семье пожить.

— Конечно, жалко. Я вот и успел немножко, а всё равно жалко.

Послышался стук входной двери. На улице послышался голос тётки Натальи, она что-то спрашивала у своих курей и у петуха ихнего. В избу вошёл Вашурин.

— Что же ты, Ваня, друг мой ситный, будил меня так плохо? Тётку Наталью напугал до полусмерти. Да уже и похоронить меня решили, что ли? Где хоронить-то будешь?

— В огороде. Да не буду я тебя хоронить — что ты чепуху какую-то? Мы ещё за грибами всей семьёй, с тобой и с Танькой, сегодня пойдём.